

Мария А. Сивенкова (Минск)

Коммуникативный стиль речевого поведения современного политика

✦ Ключные речи:
коммуникативный стиль, речевое поведение, метакоммуникативные речевые действия, политическое интервью, парламентские дебаты.

У раду се описује стилска црта „метакомуникативна оцена“, која је присутна у говорном понашању данашњих политичара. Та црта се испољава у дијалошком говору у виду негативно интонираних коментара усмерених на карактеризацију говорног понашања адресата (нпр. критика његовог комуникативног стила; појединих лексичких, граматичких, стилистичких и ортоепских аспеката његових исказа; грешака у говорном понашању).

Живой интерес к проблеме стилей коммуникативного поведения в разных дискурсивных сферах, наблюдаемый в последние десятилетия в лингвистике, обусловлен рядом причин, среди которых в первую очередь следует учесть факторы прагматического и эстетического порядка. Первые демонстрируют связь речевых стилей с эффективностью и успешностью общения, когда приверженность говорящего тому или иному коммуникативному стилю обуславливает успех или провал интеракции. При этом зачастую подчеркивается компенсатор-

ная функция стиля, заключающаяся в оказании человеку помощи в приспособлении к постоянно изменяющимся требованиям среды (Куликова 2006: 143), когда собственный выработанный стиль позволяет ему задействовать свои сильные стороны в процессе реализации какого-либо вида деятельности. В этой связи формирование у коммуниканта определенного стиля общения трактуют как один из механизмов адаптации (Шкуратова, Габдулина 2000: 3–5).

Факторы эстетического порядка проявляются в том, что наличие у говоря-

 2010

щего индивидуального речевого стиля в целом ассоциируется с достижением им высокого уровня коммуникативного мастерства (Куликова 2006: 147). Неудивительно, что это происходит лишь при наличии у него положительного отношения к деятельности и стремления к совершенству (Шкуратова, Габдулина: 5). При этом в речевом поведении коммуниканта отражаются свойства личности и ее способности, в том числе и способность выстраивать и адекватно реализовывать дискурсивные стратегии и тактики (Галанова 2003), среди которых важное место занимают речевые действия, оценивающие коммуникативный вклад адресата.

В современных исследованиях (медиа)-политического дискурса оценочность трактуется как один из стилеобразующих факторов (см., например, Демьянков 2002; Марьянчик 2005). Действительно, оценочные речевые действия (в том числе и метакоммуникативные оценки, касающиеся специфики речевого поведения адресата) в политическом диалоге отличаются значительным разнообразием. В речи современных русских, британских и немецких политиков востребованы три типа метакоммуникативных негативных оценок чьих-либо речевых действий (далее – метакритики): оценка качества

сообщаемой информации, ее количества, а также метакритика особенностей реализации речевых действий объекта критики. При этом любопытно выяснить, какие разновидности последней из перечисленных видов метакритики представлены в политическом диалоге.

Материалом исследования послужили фрагменты диалогов, содержащие метакритику, почерпнутые из интервью с современными русскими, британскими и немецкими политиками, а также фрагменты вопросно-ответных сессий в парламентах России, Великобритании и Германии¹.

1. «Все это так прямолинейно и перпендикулярно, что мне неприятно»²: коммуникативно-стилевая метакритика

По мнению некоторых политиков, как коммуникативный стиль их оппонентов в целом, так и особенности речевого поведения в конкретном жанре или определенной ситуации общения оставляют желать лучшего. Так, например, представители оппозиции Великобритании зачастую критикуют партию власти или отдельных ее членов за пафосный, официальный стиль общения. Ср. фрагмент интервью политического обозревателя

1) Проведенный анализ русскоязычных источников базируется на стенограммах нескольких радиопередач радиостанций «Эхо-Москвы» и «Радио Свобода», а также журнальных интервью. Англоязычный материал представлен выборкой метакритики из стенограмм нескольких телепередач на канале «Би-Би-Си», а также стенограмм интервью из еженедельника «Нью Стейтсмен». Немецкоязычный материал получен из стенограмм интервью радиостанции «Немецкое радио», телепередач «Тагесшау», «Сообщение из Берлина», «Альфа-форум», а также из газетных и журнальных интервью.

Парламентский дискурс представлен фрагментами стенограмм пленарных заседаний в Государственной Думе Российской Федерации, палате общин Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, а также Бундестаге ФРГ.

2) В. С. Черномырдин.

Дж. Макинтайера с Н. Клеггом, лидером партии либеральных демократов:

NICK CLEGG: Look at the Labour party now, look at my generation of Labour people – really clever people. *But they don't know how to talk like human beings! They use Labour party speak and I can't understand them most of the time* (New Statesman, 28 May 2009).

Любопытно, что критика коммуникативного стиля оказывается тесно взаимосвязанной с интерпретационным аспектом общения: в данном случае пафосный стиль вызывает нарекания скорее в связи с затруднением понимания смысла высказываний. Однако пафосность может спровоцировать стилевую метакритику и сама по себе. Ср. фрагмент вопросно-ответной сессии в парламенте, в котором на вопрос–критику о том, почему авторы законопроекта «вошли в ту фракцию, которая их закон загубит», следует метапризыв–упрек:

Тягунов А. А.: [Имярек], я думаю, что уж вам, как никому... Ну зачем вы так? *Уберите пафос*, ведь всё, о чём я сказал, понятно (14. 01. 2009).

Отметим, что подобный стиль считается в некоторых политических кругах настолько нежелательным явлением, что малейшее подозрение относительно пафосности собственной речи требует от коммуниканта дополнительных рефлексивных речевых ходов, извиняющихся перед адресатом и / или демонстрирующих осознание своей стилистической оплошности. Ср.:

NICK CLEGG: this isn't the Gordon-Dave-Nick show, this should be – and

I'm now sounding pompous here – this is kind of about what you think makes the best kind of society, a clash of values. I genuinely don't see it in personal terms (New Statesman, 28. 05. 2009).

Не остаются без внимания и такие характеристики коммуникативного поведения адресата, как формальная тональность общения (ср. *Очень неконкретный, очень формальный и бездушный ваш доклад*, Госдума, 22. 12. 2006), излишняя прямота, а также манерность и демонстративность (ср. критику письма М. Ходорковского в ответ на вопрос журналиста А. Венедиктова о том, насколько министр финансов разделяет взгляды автора):

А. Кудрин: Вот в отношении данного письма, вы знаете, безусловно, я вижу желание покаяния определенное. Тем не менее, *манерность, демонстративность*, с которой это было сделано, меня несколько смущают. Такое изменение взглядов за последние полгода, когда доказывалось с такой яростью несколько иное, сейчас мне кажется это несколько *нарочитым* (Эхо Москвы, передача «Интервью», 1. 04. 2004).

Нередко субъект метакритики подчеркивает факт повторяемости стилистических особенностей речи адресата, воспринимаемых первым как нарушения. Ср. фрагмент ответа, в котором говорящий подчеркивает неуместность злоупотребления разговорным и прямолинейным стилем еще и тем, что раздражает оппонента, воспринимая на короткое время его манеру выражаться: *My hon. Friend has made his point with his characteristic command of the colloquial and*

plain-speaking, so perhaps I can put it this way: I'm on it, Hansard Records, 16.07.2009). При этом суть коммуникативной дилеммы состоит в том, что, поскольку адресат критики зачастую считает свой стиль оптимальным, упреки в возобновимости каких-то черт ему кажутся странными, так как именно стабильность реализации определенных речевых особенностей и является стилем (ср., например, определение стиля общения как «индивидуальной стабильной формы коммуникативного поведения человека, проявляющейся в любых условиях взаимодействия» (Куницына, Казаринова, Погольша 2001: 422)). Субъект же критики подобной точки зрения не разделяет и особенности речевого поведения адресата приемлемыми не считает.

К числу стилеобразующих черт, на нашем материале, относится и чрезмерность какого-либо аспекта речевого поведения, существенно влияющая на тональность общения. Так, недовольство политика могут вызвать разнообразные коммуникативные «излишества» адресата или других субъектов политического дискурса, к которым относятся: излишняя критичность (*Я окончил два факультета мгу. С отличием. 12 лет руковожу партией. А вы меня ни разу не похвалили! Всегда только нападали*; *What I'd simply ask people to do, instead of continually attacking my integrity over Iraq*³), эмоциональность (*Ну я хотел бы, чтобы мы здесь оценочную и эмоциональную часть чуть отбросили*, Госдума, 24.12.2008), драматизация (*Graus und Schrecken ist jetzt wieder eine unnötige Dramatisierung*,

Deutschlandradio, Interview der Woche, 24.05.2009).

При этом, по нашим наблюдениям, метакритика за чрезмерно негативное отношение чаще всего относится к журналистам (в этой связи большинство современных политиков, вероятно, подпало бы под афоризм О.Уайльда о журналистике как организованном злословии), тогда как жертвами упреков в излишней эмоциональности, а также страсти к нагнетанию обстановки чаще становятся коллеги-политики.

Неодобрение субъекта политического дискурса может вызвать и манера представления информации (в основном, в рамках парламентских дебатов). Ср. фрагмент радиопередачи, в котором В. В. Жириновский критикует выступления своих коллег-парламентариев.

В. Жириновский: <...> И сегодня в Думе все выходят на трибуну, *все читают*. Я единственный выступаю, глядя в зал, на депутатов (Эхо Москвы, передача *Dura Lex*, 19.12.2009).

Любопытно, что в парламенте Великобритании подобная метакритика была бы невозможной, поскольку вестминстерские правила запрещают чтение заранее заготовленных речей (хотя и не возбраняют подсматривать в записи в некоторых случаях). Так, например, дополнительные вопросы можно задавать только спонтанно, а подглядывать в бумаги разрешено лишь членам парламента, выступающим с речью, либо

3) А. Никонов. Интервью с В. В. Жириновским «Счастье юриста», журнал «Огонек», 22.02.2001.

4) ввс, The Paxman interviews: Blair, 20.04.2005.

министрам, отвечающим на вопросы парламентариев (Some Traditions and Customs of the House 2009: 4).

Следует отметить, что критике может подвергаться не только коммуникативный стиль адресата в целом, но и отдельные элементы вербального кода.

2. «Нужные слова в нужном месте – вот подлинное определение стиля⁵»: кодовая метакритика

Несмотря на то что политики могут подвергнуть критике практически любой аспект речевой деятельности адресата, «пальма первенства» в данной группе метаязыковых негативных оценок принадлежит лексико-стилистическим особенностям его высказываний.

Как известно, выбор определенной лексемы из синонимического ряда определяется коммуникативно-прагматической установкой говорящего, а также факторами стилового и эмотивного характера, являясь во многих случаях указателем на отношение к адресату или предмету речи (Глазунова 2000). При этом процесс порождения высказывания закономерно сопряжен с риском отклонения от языковой нормы, происходящего по разным причинам, тяготеющим к двум полюсам: недостаточно высокий уровень речевой культуры коммуниканта, а также сознательное, запланированное употребление речевых «ошибок» (например, «игра в ошибки», вносящая в общение элемент пикантности, непринужденности и ироничности в противовес скучности идеально нормативной речи; значимые отклонения от нормы в публицистиче-

ском и художественном тексте в качестве литературного приема в целях передачи нужного автору колорита) (Валгина 2001).

Любопытно, что как первый, так и второй набор причин чреват коммуникативными неудачами. Как справедливо отмечает В. Д. Черняк, «коммуникативные неудачи, вызванные неуместным, некорректным или неэффективным использованием языковых единиц разных уровней, на лексическом уровне проявляются как в форме традиционно выделяемых лексических ошибок, так и в виде коммуникативных сбоев, причиной которых являются параметры слова как единицы лексической системы (синтагматические, парадигматические, ассоциативно-дериационные), не учтенные говорящим и пишущим, место слова в индивидуальном лексиконе личности» (Черняк 2005: 96).

Кроме того, весьма значимым для современной речевой культуры в этой связи является и вопрос о соотношении узуса и нормы, приводящем в ряде случаев к «культурно-речевым конфликтам», поскольку «речевые новации могут приниматься одними носителями языка и вызывать яростное сопротивление у других» (там же). Так, например, политик, задающий вопрос коллеге на парламентском заседании, может являться сторонником демократизации литературного языка вообще и либерализации публичной речи в частности, подразумевающей среди прочего и такие процессы, как стилистическая нейтрализация и перераспределение, проблематизирующие в целом запрет на стилистическую эклектику (ср. например, нейтрализацию книжных слов, а также элементов

5) Дж. Свифт.

просторечия, жаргонов) (Валгина 2001), тогда как политик, отвечающий на вопрос, вполне может оказаться приверженцем консервативных стилистических норм, равнодушным к «речевой моде» (Костомаров 1999: 34), и расценить поведение оппонента как показатель пренебрежения.

Помимо индивидуальных различий между коммуникантами следует учитывать также и межкультурную специфику. Так, в индивидуалистических обществах единой культурной нормы может и не быть, чем, видимо, и объясняется большая степень свободы при выборе языкового кода у британских парламентариев в сравнении с их российскими коллегами (например, йоркширец в парламенте может говорить с йоркширским акцентом, девонец, соответственно, с девонским и не получать при этом замечаний метаязыкового характера) (Пятигорский 1996: 295). Что же касается России, то, как справедливо отмечает А. М. Пятигорский, «отношение к неправильному или местному диалекту в России отражает культурную ситуацию в целом», когда «господствует одна культурная норма языка». По мнению философа, данное обстоятельство «является монистической предпосылкой, ограничивающей возможности выражения индивидуального мышления» (Пятигорский 1996: 296).

Впрочем, даже в британском парламенте применение чужеродного кода требует определенной метаязыковой подготовки аудитории. Например, говорящий может заранее извиниться или применить какое-либо другое речевое действие, призванное развеять негативные представления о говорящем, которые могут потенциально возникнуть у адресата. Ср. фрагмент вопросно-ответной сессии, в

котором Дж. МакГоверн (член парламента от шотландского города Данди) беспокоится о судьбе красного пера (англ. *red hackle*), являющегося символом Королевского хайлендского полка «Блэк уотч», произнося одно слово на разговорном шотландском (*birling vs. turning in one's grave*): *My grandfather, Hugh MacDonald, served in the Black Watch during the second world war. He is buried in the Black Watch section of the military cemetery in Gibraltar. The House will excuse me for using Scottish vernacular, but I fear that he might be birling in his grave at the thought that the famous red hackle of the Black Watch may be no more* (Hansard Records, 1. 07. 2009).

Помимо указанных выше аспектов, в парламентском дискурсе актуальна и проблема непарламентских выражений. Так, их применение в исследуемых лингвокультурах, как правило, вызывает определенный резонанс: как председательствующий, так и депутаты остро реагируют на подобные речевые «выходки» коллег. Ср. фрагмент, в котором критика за употребление просторечного выражения исходит от председательствующего, а затем находит продолжение в ответе политика на вопрос:

Рохмистров М. С.: Андрей Михайлович, у меня такой вопрос. [...] С учётом действующей системы возврата НДС маленькие телекомпании, частные и так далее, которые были участниками избирательного процесса, *шшии чего получают*, им, наоборот, ещё насчитают задолженность. А вот крупные, которых также... (Микрофон отключён.)

Председательствующий: *Выражение «шшии» является непарламентским,*

на всякий случай говорю. Пожалуйста, Макаров.

МАКАРОВ А. М.: Спасибо большое, Максим Станиславович. И вот Олег Викторович опередил меня. Я, честно говоря, не знаю, какие выражения являются парламентскими, но я точно знаю, что «ищи чего получишь» – это не терминология Налогового кодекса, в который сейчас предлагается внести поправки. В понятийном аппарате Налогового кодекса это выражение, к сожалению, отсутствует (Госдума, 26.06.2009).

Стоит отметить, что конфликтогенный потенциал метаязыковой критики весьма высок, что в некотором роде ставит под сомнение эффективность метакоммуникативных оценок в качестве регулирующих речевых действий, направленных на устранение коммуникативных проблем в политическом диалоге. Так, коммуникант может увлечься дидактическим тоном и попытаться распространить поучения метаязыкового характера и на других коллег (ср. фрагмент ответа на следующий вопрос из той же вопросно-ответной сессии: *[Я] вынужден вам, к сожалению, как и вашему соседу справа, заметить, что выражения «попадут на НДС» или «попадут на другой налог» также не относятся к понятийному аппарату Налогового кодекса.*) При этом коллеги зачастую не остаются в долгу и отвечают взаимной критикой. Так, один из последующих вопросов оказывается адресованным не А. М. Макарову, а содокладчику под предлогом того, что первый злоупотребляет терминологическими комментариями (ср.: *С учётом того что Андрей Михайлович всё больше оперирует*

терминологией Налогового кодекса, у меня вопрос к Владимиру Николаевичу).

Другой вариант негативного метаязыкового комментария состоит в попытке дистанцироваться от номинации, примененной адресатом. Ср.: *If my hon. Friend has specific examples of what he describes as “Spanish practices” he should report them to his local authority, which is responsible for ensuring that matters are dealt with properly in the community* (Hansard Records, 08.02.2007).

Однако политик, отвечающий на вопрос, может и самостоятельно справиться с задачей фильтрации неуместных выражений, не дожидаясь вмешательства председательствующего. Ср. следующий фрагмент:

Рябов Н. Ф.: Владимир Вольфович, вы докладывали по 18-му пункту пятнадцать минут, сейчас две минуты двадцать пять секунд отвечали. Давайте конкретно, *безо всякого словоблудия*: какое преимущество имеет ваше заявление по сравнению с заявлением, предложенным комитетом? Вот конкретно, чтобы было понятно: в чём преимущество?

Жириновский В. В.: Николай Фёдорович, начнём конкретику с того, что «словоблудие» – *непарламентское выражение*. Словоблудие... я даже не знаю, где оно может быть. Вы, наверное, знаете, что такое блуд, а *здесь у нас полемика, дискуссия* (Госдума, 24.06.2009).

Любопытно, что парламентский этикет многих стран предусматривает особую процедуру обхождения с лексическими ошибками: неуместную ремарку следует

«взять обратно» публично по требованию спикера либо в частной беседе. Этой цели служат английские глаголы *to withdraw*, *to retract* и немецкий *zurücknehmen*. Ср.: *das Wort „Kabarett“ ist gefallen; der Kollege X wird das sicherlich in einem persönlichen Gespräch mit mir zurücknehmen*, Bundestag, 16.12.2009.

Следует отметить, что британские парламентарии обязаны следовать более строгому, в сравнении с их русскими и немецкими коллегами, своду правил, касающихся избегания непарламентского языка. Так, этикет⁶ запрещает членам парламента обвинять других депутатов во лжи, пьянстве, искажении чужих слов (Some Traditions and Customs of the House 2009: 4). При этом существует список табуированных лексем, применение которых влечет штрафные санкции⁷: *blackguard, coward, git, guttersnipe, hooligan, rat, swine, stoolpigeon, traitor* и др.

Учитывая конфронтационный характер политических дебатов, закономерно, что парламентарии применяют разнообразные «обходные» маневры, позволяющие им выразить соответствующую идею, не будучи уличенными спикером. Ср. знаменитое выражение У. Черчилля *terminological inexactitude* в значении *lie*, а также другой известный эвфемизм *to be economical with the truth* вместо *to lie* (de Ayala 2001).

Факт отсутствия подобных списков немецких и русских непарламентских выражений, с одной стороны, облегчает коммуникативную деятельность членов парламента, а с другой – в некотором роде осложняет ее, оставляя депутатов в неведении относительно того, какие из выражений следует считать непарламентскими. Ср. следующий метаязыковой комментарий в примере, открывающем данный раздел, демонстрирующий неуверенность депутата в данном вопросе (*Я, честно говоря, не знаю, какие выражения являются парламентскими*).

Особый интерес представляют случаи (само)критики словоупотреблений, созвучных названию партии, которую представляет собеседник, когда коммуникант заранее извиняется, предвидя негативную реакцию адресата. Ср. фрагмент ответа на вопрос о мерах пресечения нарушений правил пожарной безопасности, заданный представителем *Либерально-демократической партии России*:

Шойгу С.К.: Спасибо. Хороший вопрос. На самом деле в этих девяти школах мы запретили занятия, и в них занятия не проходят. Это, конечно, не та мера, которую надо принимать, а предпринимать надо действительно то, о чём вы сказали. Первое, с чего надо начать,

- 6) Данные требования восходят к многократно переиздававшемуся сборнику правил парламентской процедуры английского государственоведа и историка Томаса Эрскина Мэя, в котором по интересующему нас аспекту содержится запрет на применение «бранного и оскорбительного языка», который может «создать беспорядок» (May 1989: 287).
- 7) Так, отказ взять свои слова обратно может привести к запрету на участие в парламентских заседаниях на определенный срок (без сохранения заработной платы): пять дней в случае первого проступка, двадцать – повторного, а также на срок, установленный членами парламента, в случае, если проступок совершается в третий раз (Some Traditions and Customs of the House 2009: 5).

– это нам надо прекратить вообще вот такое... *я извиняюсь перед вашей партией, надо прекратить либеральничать*. Нам надо заканчивать вообще проявлять жалость, когда к нам приходят: а как же дети, они не пойдут учиться, давайте как-то по-другому попробуем решить этот вопрос (Госдума, 17.12.2008).

Помимо лексических, оскорбляют слух участников политических дискуссий и орфоэпические (*Обеспечение – нет такого слова «обеспечение». Есть слово «обеспечение». Давайте в Государственной Думе говорить по-русски*, 5.12.2008), а также грамматические ошибки (*При всём уважении к [Имярек], предложенная им поправка нуждается в очень серьезной редакторской правке, она содержит в себе в том числе грамматические ошибки, которые, разумеется, мы принять не можем*, Госдума, 03.12.2008). Ср. также критику синтаксической структуры вопроса: *Herr X, Ihre Frage erschließt sich mir nicht ganz, weder von der Syntax noch von der Intention her*, Bundestag, 27.01.2010.

3. Речеповеденческая метакритика

Помимо стилевых особенностей речи адресата, в репликах политиков подвергается осуждению целый ряд речеповеденческих ошибок коллег / журналистов / представителей общественности.

3.1 «*Политик может быть правым либо неправым, но он никогда ни в чем не раскаивается*»⁸: метакритика, связанная с отсутствием ожидаемых /

присутствием недопустимых речевых действий или коммуникативных реакций

Одним из частотных объектов метакритики является игнорирование чьих-либо речевых действий (например, отсутствие реакции на предложение, ответа на вопрос), а также отсутствие ожидаемой реакции (например, смеха как реакции на анекдот, извинения как следствия какой-либо оплошности). Ср. следующий фрагмент интервью Дж. Паксмана с Т. Блэром, в котором премьер-министр критикует аудиторию, перед которой ему пришлось выступать во время избирательной кампании, за невнимательное отношение к его докладу.

JEREMY PAXMAN: Come on! Seriously, there must have been a point where you are there in front of the stained glass windows and you thought you were the vicar of St Albions!

TONY BLAIR: I tell you what I thought. The thing I did think was – *I hoped people would pay attention to what I was saying. That was a naive view, because they didn't in the end* (BBC, Newsnight, 5.06.2001).

В данном фрагменте телеведущий добивается от премьер-министра признания в том, что обсуждаемое выступление перед школьной аудиторией было ошибкой. При этом Дж. Паксман пытается высмеять гостя, используя аллюзию к «Новостям прихода Св. Альбиона» – серии сатирических материалов, в которых премьер-министр и члены его кабинета

8) С. Каррильо.

изображались как деятели англиканской церкви, печатавшимся в британском сатирическом журнале «Прайвит ай» во время премьерства Т. Блэра. Что же касается интервьюируемого, то он ловко смещает акцент с собственной оплошности (фотография на фоне витража в окружении хора, подчеркивающая сходство с главным героем сатирической мистификации, викарием прихода Св. Альбиона) на недостатки аудитории.

Перебивы, насмешки, оскорбления, плагиат, провокации продолжают список речеповеденческих ошибок, являющихся, по мнению субъектов политического дискурса, недопустимыми в парламентских дебатах и политических интервью. Ср.:

Игорь ЛЕБЕДЕВ: А что касается предложений господина Х, то мы в последнее время очень часто слышим многие идеи, выдвигаемые ЛДПР в свое время, сейчас из уст других людей, в частности и господина Х тоже. Но только когда мы об этом говорили, все смеялись и говорили, какая это глупость, а когда об этом говорит четвертый человек в стране, все начинают об этом очень серьезно разговаривать (Радио Свобода, 06.12.2009);

Игорь СОЛОВЕЙ: А вы готовы возглавить партию?

Игорь ЛЕБЕДЕВ: Это немножко провокационный вопрос, а особенно накануне съезда, где будет решаться вопрос о выборах (там же).

Данная разновидность метакритики, по-видимому, служит поддержанию эти-

ческих и профессиональных стандартов поведения политиков и журналистов.

3.2 «*Quod licet Jovi, non licet bovi*»: метакритика неуместного речевого поведения

Даже в таких менее формализованных / регламентированных жанрах, как теле- или радиоинтервью, политики находят возможность покритиковать журналистов за нарушение каких-то норм вербального поведения. Так, например, гости Дж.Паксмана зачастую жалуются на то, что их перебивают и им не дают закончить мысль (*Just let me finish the example if I may*), а их ответы игнорируются в дальнейшем (что происходит в случае, если ведущий добивается более содержательного ответа). Закономерно, что в институциональных разновидностях политического дискурса следование правилам имеет еще большее значение, чем в менее формальных медиатизированных жанрах. При этом правила представляют собой весьма сложную систему и обычно документируются в виде регламента, а их неукоснительное исполнение является важнейшим условием коммуникативной эффективности.

Действительно, в парламентских дебатах у говорящего мало шансов реализовать свои коммуникативные намерения, если его высказывания нарушают регламент, поскольку, с большой долей вероятности, такие высказывания будут пресечены председательствующим или – реже – другими участниками дебатов. Ср.:

Председательствующий: Коллеги, у нас нет такой процедуры, когда докладчик и зал полемизируют друг

9) 'Что позволено Юпитеру, то не позволено быку', латинский афоризм.

с другом без микрофона (Госдума, 5.12.2008).

Так, вызывают порицание факты нарушения очередности выступающих, несоблюдения запланированной последовательности речевых действий (например, попытки вступить в дискуссию до окончания выступления). Кроме того, неуместным может оказаться сам тип совершенного речевого акта (например, вопрос во время процедуры третьего чтения в Госдуме, не предусматривающей вопросно-ответной сессии, или выступление, «замаскированное» под вопрос) или количество речевых действий (например, три дополнительных вопроса вместо одного разрешенного в британском парламенте). Такую разновидность неуместности можно назвать *организационной*.

Следует отметить, что многие организационные правила оказываются тесно взаимосвязанными с ролевыми полномочиями коммуникантов. Так, например, роль оппозиционной партии в британском парламенте дает соответствующим политикам право задавать вопросы членам правительства (которые не имеют возможности задавать вопросы оппозиции); ситуативная роль депутата, представляющего на рассмотрение парламента законопроект, внесенный какой-либо областной Думой, не позволяет ему вносить в текст документа поправки до тех пор, пока Госдума не одобрит концепцию данного проекта закона; а позиционная роль спикера подразумевает возможность применения широкого круга метакоммуникативных речевых действий организационного характера¹⁰.

Чем *ролевая* неуместность вопроса чревата для политического диалога? Если кто-либо из коммуникантов превышает собственные речевые «права» или ставит адресата в положение, когда тот оказывается вынужденным нарушить свою роль, ответа на вопрос может не последовать вообще (по причине переадресации лицу, уполномоченному отвечать на подобные вопросы), а виновному приходится выслушивать соответствующую метакритику (*Внимательнее надо быть; Это не совсем наша сфера; Вопрос немножко не по адресу, я этим не занимаюсь; Это не совсем в моей компетенции; The particular area he raises is not in my remit*). Ср. «ответ» министра природных ресурсов и экологии на вопрос о федеральной экологической программе, состоящий из указания на нежелание отвечать по причине ролевой неуместности вопроса, а также переадресации фрагмента вопроса заместителю:

Трутнев Ю. П.: Я всё-таки, с вашего разрешения, не буду отвечать на вопрос о том, кто виноват, исходя из того, что точно не относилось рассмотрение данного вопроса в период принятия неправильных решений к компетенции, скажем так, сегодняшнего состава министерства. Поэтому вопрос «кто виноват» оставим за бортом. Что касается второго вопроса, Станислав Анатольевич, пожалуйста (Госдума, 03.12.2008).

Помимо задавания вопросов «не по адресу», ролевая неуместность может состоять в исключении необходимого

10) Трехчастная классификация ролей, в рамках которой выделяются статусные, позиционные и ситуативные роли, приводится по работе (Gerhardt 1980).

участника из переговоров, а также несанкционированном участии политиков в определенных коммуникативных событиях. Кроме того, ролевая неуместность может быть связана и с нарушением внутривнутрипартийной иерархии. Ср. ответ немецкого политика М. Вандервица на вопрос о том, что он думает по поводу критики за неудачу на выборах, а также за стиль руководства, адресованной канцлеру ФРГ и председателю Христианско-демократического союза А. Меркель со стороны четырех председателей христианско-демократических фракций в ландтагах (т.е. политиков регионального уровня):

MARCO WANDERWITZ: Ich halte die Form für unangemessen. Landtagsfraktionsvorsitzende sollten sich um ihre eigenen Probleme kümmern. Es würde auch manchen aus dem Bund reizen, das thüringische Landtagswahlergebnis zu kommentieren. (Berliner Zeitung, D. Vates, „Besser kein Basta: CDU-Politiker Wanderwitz verteidigt Merckels Stil“, 11. 01. 2010)

На наш взгляд, данный фрагмент содержит импликацию, указывающую на то, что в неблагоприятном для партии (наихудшем за всю историю ФРГ) исходе выборов в сентябре 2009 г. виноваты и те, кто сейчас выступает с критикой лидера. В самом деле, один из представителей взбунтовавшейся внутривнутрипартийной оппозиции (К. Вагнер) является руководителем христианско-демократической фракции в ландтаге Тюрингии, т.е. одной из земель, в которых партия А. Меркель потеряла единоличное лидерство, получив почти на 12% голосов меньше, чем на выборах 2004 года. В этой связи при-

веденные выше высказывания политика можно трактовать как указание на неуместность ситуативной роли критикующих: на председателя партии «нападают» те, кто меньше других имеет право на подобное речевое поведение.

Когда критика ролевой неуместности адресуется представителю медиасреды, последнему обычно «инкриминируется» ангажированность, предвзятое отношение к теме вопроса или самому политику, т.е. отступление от идеальной роли стремящегося к объективности журналиста. Ср.:

JOHN HUMPHRYS: Why did you allow yourself to get suckered into signing that particular compact in the first place? If you talked to a few of your people you would have realised that it was a daft thing to do. You can't say that I promise not to beat the wife up tomorrow morning. I mean you can't make people do that.

WILLIAM HAGUE: *Thank you for the nicely unloaded way of asking why I signed the compact*, because I believe in the compact, because I am against racism, because I think parties in an election should commit themselves (BBC, Radio 4, Today, 17.05.2001).

Однако в политическом диалоге могут нарушаться не только социальные, но и межличностные границы: определенные высказывания могут быть признаны неуместными не только на основании социоролевого критерия, но и в связи с нарушением табу тематического характера. Например, вопросы о доходах собеседника считаются неприемлемыми в США (Леонтович 2005), Германии (Куликова

2004: 94, 104) и многих других странах и расцениваются как вторжение в личное пространство адресата. Ср.:

SÜDDEUTSCHE ZEITUNG: Herr Steinbrück, als Finanzminister verdienen Sie etwa 200.000 Euro im Jahr – ein Zehntel dessen, was Vorstände in einem Dax-Konzern bekommen. Sind Sie unterbezahlt?

PEER STEINBRÜCK: *Das ist eine tödliche Frage.* Aber wenn ich mir angucke, welchen Nettostundenlohn ich bei einer mindestens 75-Stunden-Woche habe, dann komme ich auf 35 bis 40 Euro. Das halte ich nicht für überbezahlt angesichts der Aufgaben, für die ich Verantwortung trage (Süddeutsche Zeitung, 23. 10. 2006).

В отличие от реплик, констатирующих или критикующих за ролевую неуместность, межличностная неуместность может тематизироваться в диалоге как в форме констатаций факта коммуникативного «нарушения», так и в виде реплик, прогнозирующих вероятность появления у собеседника неуместного вопроса (что указывает на некоторую степень готовности субъектов политического дискурса к подобным фактам нарушения межличностных границ). Ср.:

[Во время интервью В. В. Жириновскому приносят удостоверение зампреда Думы, которое он убирает в портмоне со словами]:

Жириновский В. В.: Вот это я буду носить, а это уберу в портмоне. Вот, видите, это мой кошелек... *Сейчас вы спросите*, а сколько у меня денег в кошельке? А?

Никонов А.: Придется, видимо. Сколько у вас денег в кошельке? (А. Никонов. Интервью с В. В. Жириновским «Счастье юриста», журнал «Огонек», 22. 02. 2001).

Таким образом, проведенное исследование дает основания для вывода о том, что фильтрация неприемлемых черт коммуникативного стиля адресата относится к числу стилиобразующих черт политического диалога, а метакоммуникативные речевые действия приобретают в нем статус отнюдь не вспомогательных, периферийных, обрамляющих высказываний, призванных обеспечить успешную реализацию основных речевых актов, а выполняют важные коммуникативные задачи, связанные с мониторингом качества профессионального общения политиков и представителей медиасреды, а также дискредитацией политических оппонентов.

summary

Σ The communicative style of contemporary politicians

102

The article focuses on metacommunicative evaluativeness as an important feature of contemporary British, German and Russian political dialogue, which is made explicit by the presence of various negative evaluations of the addressee's communicative behaviour. Three types of such evaluations are analysed: 1) metacommunicative evaluations that refer to the addressee's communicative style, 2) evaluations that concern various linguistic aspects of the opponent's utterances; 3) evaluations that highlight mistakes which occur in the opponent's speech behaviour.

Such features of the opponent's communicative style as pomposity, formality, affectation, straightforwardness, colloquiality are either explicitly criticized by the addresser, or perceived as a drawback by the speaker himself/herself, which leads to apologies and disclaimers.

The use of unparliamentary language as well as various kinds of lexical, grammatical and orthoepic mistakes (e.g. use of party names in disrespectful contexts, morphological errors, overcomplicated syntactical structure of utterances, wrong stress) are exposed by the Speaker in parliament and other politicians.

The absence of expected speech acts (e.g. an apology when it is due) and the presence of unexpected patterns of verbal behaviour (e.g. plagiarism, provocation, insults, mockery), as well as the inappropriateness of someone's communicative behaviour (e.g. position- and situation-based role inappropriateness) are also criticised by politicians.

Литература

- Валгина 2001: **Валгина, Н. С.** Активные процессы в современном русском языке. – Москва: Логос. – 304 с.
- Галанова 2003: **Галанова, О. А.** Обучение стратегиям научной дискуссии на иностранном языке в неязыковом вузе: Дис. ... канд. пед. наук. – Пермь. – 239 с.
- Глазунова 2000: **Глазунова, О. И.** Логика метафорических преобразований. – Санкт-Петербург: Изд-во Петербургского гос. университета. – 190 с.
- Демьянков 2002: **Демьянков, В. З.** Политический дискурс как предмет политологической филологии. – In: Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – Москва: РАН ИНИОН. – С. 32–43.
- Костомаров 1999³: **Костомаров, В. Г.** Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – Санкт-Петербург. – 320 с.
- Куликова 2004: **Куликова, Л. В.** Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур. – Красноярск: РИО КГПУ. – 196 с.
- Куликова 2006: **Куликова, Л. В.** Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме. – Красноярск. – 392 с.

- Куницына, Казаринова, Погольша 2002: **Куницына, В. Н., Казаринова, Н. В., Погольша, В. М.** Межличностное общение. – Санкт-Петербург: Питер. – 544 с.
- Леонтович 2005: **Леонтович, О. А.** Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – Москва: Гнозис. – 352 с.
- Марьянчик 2005: **Марьянчик, В. А.** Аксиологическая функция неологизмов медиа-политического дискурса: На материале газетных публикаций начала XXI века: Дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск. – 210 с.
- Пятигорский 1996: **Пятигорский, А. М.** Индивид и культура. – In: Избранные труды. – Москва: Языки русской культуры. – С. 273–297.
- Черняк 2005: **Черняк, В. Д.** «Зоны риска» в лексиконе языковой личности: к основаниям коммуникативных неудач. – In: Вестник ТГПУ. – Томск. – Вып. 3 (47). Серия: Гуманитарные науки (филология). – С. 96–100.
- Шкуратова, Габдулина 2000: **Шкуратова, И. П., Габдулина, Л. И.** Стили общения. Ростов-на-Дону: РГУ. – 37 с.
- Ayala 2001: **Ayala, S. P. de.** FTA's and Erskine May: conflicting needs? – Politeness in Question Time. – In: Journal of Pragmatics. – Vol. 33. – P. 143–169.
- Gerhardt 1980: **Gerhardt, U.** Toward a critical analysis of role. – In: Social Problems. – Vol. 27 (5). – P. 556–569.
- May 1989²¹: **May, Erskine.** Treatise on the law, privileges, proceedings and usage of Parliament. – London: Butterworth. – 1079 p.
- Some Traditions and Customs of the House 2009: **Some Traditions and Customs of the House.** – House of Commons Information Office. Режим доступа: <http://www.parliament.uk/documents/upload/Go7.pdf>, свободный.